

способствуют эффективной реализации государственной национальной политики, которая строится на основе патриотизма и интернационализма, всестороннего учета и согласования национальных интересов народов, проживающих на территории Челябинской области.

Регулирование этнических взаимодействий возможно только при условии тщательного изучения социальных структур общества, его культурной среды, особенностей восприятия индивидами ценностей других культурных систем.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Национальный состав населения Челябинской области по итогам Всероссийской переписи населения 2002 года. Статистический сборник. — Челябинск: Челябинкстат, 2005. — С. 8
2. Кутявина Е. Е. Проблема изучения межэтнического взаимодействия // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Социальные науки. — 2004. — №1. — С. 211
3. Парсонс Т. О структуре социального действия. — М.: Академический Проект, 2000. — С. 41
4. Беспалко И. И. Этнокультурные технологии в деятельности национально-культурных центров. — Челябинск: ЧГАКИ, 2006. — С. 61

Коваленко Е.Н., г. Екатеринбург

КОНЦЕПЦИЯ НОМАДИЗМА В ФЕМИНИСТСКОЙ ТЕОРИИ КАК НОВАЯ МОДЕЛЬ ИДЕНТИЧНОСТИ

Проблема идентичности в феминистской теории особенно актуальна на современном этапе, когда в политической философии артикулировано представление о важной роли процессов идентификации в политической и социальной жизни.

Современные авторы делают особый акцент на необходимости изучения не только процесса выстраивания, конструирования идентичности, но и на анализе последствий так называемого кризиса идентичности.

Рози Брайдотти, автор номадической модели феминистской идентичности, определяет феминизм как «практику – а также творческое влечение – направленные на утверждение сексуального различия как позитивной силы. Новый феминистский номадический субъект, что поддерживает этот проект, есть эпистемологическая и политическая сущность, защищаемая и утверждаемая женщинами перед лицом множественных различий их класса, расы, возраста, стилей жизни и сексуальных предпочтений. Соответственно сегодня феминизм представляется мне деятельностью, направленной на артикуляцию вопросов индивидуальной, телесной, гендерной идентичности, вопросов политической субъективности, и на связь их с проблемой знания и эпистемологической легитимации» [1].

Модель номадической идентичности, предложенная Рози Брайдотти, связана с деридорианской идеей номадизма как возможности представить альтернативный проект традиционной (и что особенно важно для феминисток, фаллоцентричной) западной культуре, характеризующейся четкой структурированностью, ограниченностью и замкнутостью на себе самой.

Концепция Брайдотти выделяет фигуры изгнанника, мигранта и номада. Причем последняя является противоположной первым двум. Предложенные метафоры не просто соответствуют особенностям пространственной дислокации, но и типам мышления, дискурса и культуры. Метафора изгнанника, с точки зрения феминистского теоретика, представляет собой «тактику уклонения», поскольку создает «опущение бездомности, лишенности страны, отсутствия обычной точки закрепления. С позиции Брайдотти данная метафора не может быть использована феминистками эффективно, поскольку не учитывает различие между женщинами, делая акцент на общей характеристике их со-

циально-политического положения, является этноцентричной и отражает кастовые и расовые привилегии. «На закате века, когда Европа и другие части света сталкиваются с проблемой беженцев с Востока и юга и массовым исходом населения из раздираемых войнами стран, проблема изгнанничества, право на принадлежность, право на въезд, право на приют – слишком серьезные вещи, чтобы быть просто метафоризированными в новый идеал» [2].

Фигура мигранта также не может соответствовать феминистским представлениям о женщине как свободном субъекте, несмотря на то, что данная фигура имеет ясный пункт назначения и конечную цель движения. Феномен миграции, скорее, обуславливает появление и распространение множества субкультур на отдельно взятой территории. Мигрант ассоциируется с «наиболее уязвимыми группами» и тем самым автоматически вписывается в классовые структуры.

Метафора номада (кочевника) является наиболее предпочтительной характеристикой для феминистского проекта. Номада становится по своему духу иным понятием, нежели изгнанник или мигрант. «Быть номадой не означает бездомности или насильственного перемещения; это скорее фигурирует своеобразной агрессивностью – «оставил всякую идею, желание или ностальгию по закреплённости. Такая фигурация отражает желание идентичности, состоящей из переходов, последовательных сдвигов, смен координат, без эссенциального единства и вопреки ему. Номадический субъект, однако, не всецело лишен единства; ее/его модус – это определенные, сезонные паттерны движения по довольно устойчивым маршрутам. Это сцепление, порожденное повторениями, циклическими движениями, ритмическими перемещениями» [3].

Одновременно номадизм характеризуется своеобразной агрессивностью – «существует прочная связь между номадами и насилием; безжалостность тех, кто не имеет корней, может шокировать» [4]. Это обстоятельство, с точки зрения Брайдотти, помогает понять новый тип политического сознания, который связан с феноменами деструкции, сопротивления, политического насилия, вооруженного восстания, влечения к смерти, что характеризует «политическую плотность фигуры номады».

Номадическое сознание представляет собой противостояние «ассимиляции и гомологизации доминантными способами репрезентации «я»... Номадический стиль – это переходы и передвижения без установленного заранее места назначения, без утраченной родины» [5].

Таким образом, концепция номадической идентичности позволяет использовать ее не только как феминистский проект, но и как модель сознания, предлагающую личностную, групповую социально-политическую и культурную программу действия в современных условиях неопределенности, нестабильности, бессистемности, мультикультурализма и отсутствия границ. Вместе с тем номадизм имеет ряд характеристик, которые могут быть подвергнуты критике, поскольку он сам создает тип мышления, не имеющий четкой методологии в плане определения терминов и категорий, находясь в условиях неопределенности, он сам лишь увеличивает степень нестабильности, а его гибкость может быть связана с неорганизованностью и хаотичностью социально-политических процессов. Номадизм предлагает преодоление дихотомий и бинарных оппозиций, тем самым создавая условия для плюрализма интересов и ценностей различных социальных общностей и групп, а также личной свободы человека, но одновременно продуцирует стойкую оппозицию в отношении государства. «Номадическое и государственное насилие суть зеркальные образы друг друга, разделенные антитетической враждебностью» [6], что создает условия для позиционирования номадического мышления как характеристики меньшинства, находящегося в стойкой и принципиальной

ной оппозиции к существующей системе сознания.

Феминистки рассматривают современный мир как пространство множества идентичностей, сложносоставных, перекрещивающихся и неоднозначных. Шанталь Муфф, например, отмечает нестабильность субъекта, находящегося в процессе постоянного дискурсивного становления в социальных практиках. Непрерывно меняющиеся и возникающие заново связи между такими практиками ставят под вопрос возможность четкого определения единой и неизменной идентичности каждого конкретного человека.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Брайдотти Р. Путем номадизма// Введение в гендерные исследования. Ч. 2. Хрестоматия/Под ред. С.В. Жеребкина – Харьков: ХЦГИ, 2001; Спб.: Алетейя, 2001. С. 153
2. Там же. С. 144
3. Там же. С. 145
4. Там же. С. 148
5. Там же
6. Там же. С. 150

Русских Л.В., г. Челябинск

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ НАЦИОНАЛИЗМА

Вопросы национальной идентичности, национализма и интернационализма, родовой сплоченности и национальной культуры в последние годы приобретают все большую остроту и актуальность, что неудивительно, учитывая все те негативные процессы, которые начались после распада многонационального Советского Союза, и, которые, несмотря на то, что прошло уже немало времени, не только не затихают, но и продолжают набирать обороты. Многочисленные примеры притеснения, а то и откровенного геноцида русского населения во многих бывших союзных республиках, а также всем известные из средств массовой информации примеры агрессивно-националистических выходов тех же скинхедов в самой России, сформировали однозначно негативное восприятие термина «национализм» у большей части не только простого, далекого от науки и политики населения, но и в научной среде. В частности в одном из социологических словарей утверждается, что суть национализма составляет проповедь собственной национальной исключительности, дополняемая недоверием к чужим этническим общностям и (в крайних проявлениях) – отказом им в праве на существование. Считается, что национализм недооценивает позитивных результатов межэтнических взаимопроникновений и абсолютизирует этническую замкнутость, ведущую к застою, упрощению и упадку национальной культуры.

Чаще всего под национализмом понимают идеологию и политику, противоположную интернационализму, национальное превосходство, возвеличивание одной нации над другими и ущемление прав представителей иных наций. Социологический опрос студентов, проведенный в Южно-Уральском государственном университете показал, что каждый третий из опрошенных воспринимает это явление именно с негативной окраской. Национализм ассоциируется с нацизмом, шовинизмом, еврейскими погромами и прочими подобными страницами человеческой истории. Более того, он предстает чем-то таким, чего нужно стесняться, чем-то не совсем приличным, позорным для современного образованного человека. Но, вместе с тем, этот же опрос показал и то, что подавляющее большинство однозначно определяет свою этническую принадлежность, считает ее значимой и демонстрирует сильную эмоциональную близость к этнонациональному сообществу, проявляет любовь и уважение к своей нации и, более того, готовность защищать ее интересы, то есть явно демонстрирует черты национализма, но в